

Мурат КУРИЕВ

РАЗНООБРАЗНЫЙ
НАПОЛЕОН

Мурат Магометович Куриев

Разнообразный Наполеон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69216652

Разнообразный Наполеон:

ISBN 978-5-00170-793-6

Аннотация

«Моя слава в том, что она будет жить вечно». Так сказал Наполеон и... Ошибся? Сегодня есть немало тех, кто не просто хочет лишить Наполеона славы, но и вообще – забыть о нем.

Вряд ли получится. Наполеону посвящены сотни фильмов, тысячи книг. Мало кто из исторических персонажей так вдохновлял художников, как французский император. Эта книга о Наполеоне, созданном *воображением*. Писателей, мастеров живописи, кинорежиссеров... Еще – о мифах и легендах. *«Воображение правит миром...»* Так сказал Наполеон. И не ошибся...

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	9
Введение	10
Глава первая	13
Глава вторая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мурат Магомедович Куриев

Разнообразный Наполеон

© Куриев М. М., 2023

© Темников А. В., иллюстрации, 2023

©Издательство «У Никитских ворот», 2023

*Особая благодарность – моему другу Михаилу
Годину.*

*Человеку, который поддерживает меня во всех
начинаниях.*

Предисловие

«Воображение правит миром...»

Моя любимая цитата Наполеона. Как мог человек, которого многие считают тираном и деспотом, сказать такое? А вот сказал. Причем совершенно искренне. Потому что он так и думал. Потому что многого добился благодаря *воображению*. Разница между обычными людьми и гениями в том и состоит, что последние способны превратить мечту в реальность.

Он мог. Он делал. Среди всех великих Наполеон – самый отчаянный фантазер. Он почти «правил миром», не в последнюю очередь – с помощью воображения.

Теперь самим Наполеоном «управляют» другие. Политики – по необходимости. Историки – профессионально. Они, историки, считают, что монополия на «правду о Наполеоне» теперь у них. Заблуждаются, как обычно. Вымысел зачастую бывает интереснее теоретических рассуждений, пусть и основанных на «многочисленных источниках».

...В своей книге о Наполеоне я хотел написать отдельную часть об образе императора в литературе, кино, живописи... Последнюю часть. Но когда закончил эпилог, поставил точку, сразу понял: не клеится. Это история без продолжения. *Его собственная история*. Почти все остальное было уже *потом*. Я ведь не только историк, но и немного писатель. Я

знаю, как убивается драматизм.

Отказываться от самой идеи не хотелось категорически, да и материала накопилось много. Не пропадать же добру! И злу, конечно, тоже.

В общем, я решил написать новую книгу. О том Наполеоне, который создан воображением известных писателей и неизвестными авторами анекдотов. О «кинонаполеониаде». О художниках, которые видели императора, и тех, кто его никогда не видел, но все равно рисовал. Словом, об *образе Наполеона*.

Тема неисчерпаемая. Наполеону посвящены сотни фильмов, тысячи книг, а уж картин... Что выбрать? Кого?

...Лев Толстой не любил Наполеона и не скрывал своих чувств. Философ и писатель Шатобриан восхищался императором, но прятал свое истинное отношение к нему.

А вы знали о том, что отцы Александра Дюма и Виктора Гюго – генералы наполеоновской армии? Это что-то значит? Конечно. Для Дюма – больше, для Гюго – меньше. Только Гюго написал о Наполеоне больше, чем Дюма.

Вот мы и начинаем потихоньку *чувствовать разницу*. Образ Наполеона, созданный художниками в широком смысле слова... За каждым образом – личная история. Судьба, страна, время... Случай, наконец. Только Наполеон – один на всех.

Я как-то задался целью понять, есть ли какие-то закономерности в явлении, которое называется *интерес к Наполео-*

ну? Проще всего сказать – интерес непреходящий, что в целом будет справедливым утверждением. Но должны же быть взлеты и падения? Некая «кривая»?

Да, первая половина XIX века, когда память о Наполеоне была совсем свежей, стоит особняком. Что дальше? О нем вспоминают в связи с мировыми войнами, что выглядит вполне логичным? Да, так и есть.

А может, император становится особенно востребованным в период политических кризисов? Тоже правда.

Только как тогда объяснить тот факт, что наибольшее количество фильмов о Наполеоне в последнее время появилось в самом начале XXI века? Когда не происходило равным счетом ничего «судьбоносного».

Знаете что? Плохо работают «закономерности», когда мы говорим о Наполеоне. Такой уж он человек. Всегда затрудняет задачу. Но в чем-то и облегчает. Можно выбирать.

Рассказать обо всех писателях или художниках просто невозможно, да и вряд ли нужно. Эта книга – не энциклопедия. Когда я писал о Наполеоне, то честно предупреждал читателей, что представляю им *своего* Наполеона.

С *образом Наполеона* поступлю точно так же. Выбирал я, конечно, не только то, что интересно лично мне. Я хотел создать «образ образа». Я буду пристрастен, поскольку у меня уже есть *свой Наполеон*. И я попытаюсь понять Толстого и объясню, почему, например, Раймон Пеллегрен в роли императора мне нравится больше, чем Марлон Брандо.

«Воображение правит миром...» Он так сказал. Не знаю, понравилась ли бы ему книга про «Наполеонов, созданных воображением». Однако – вот она.

Часть первая Слова, слова...

Введение

В 1977 году английский писатель Джеймс Олдридж написал книгу «Последний взгляд». Не о Наполеоне, а о дружбе двух великих американских писателей – Эрнеста Хемингуэя и Скотта Фицджеральда. Нет, ни один из них не написал ничего о Наполеоне, но я сейчас все объясню.

В романе Олдриджа Хемингуэй и Фицджеральд путешествуют по Франции. Не просто так, а с определенной целью. Они пытаются доказать друг другу и миру, кто лучше – Бальзак или Гюго. «Шуаны» или «Девяносто третий год». Реалист или романтик. Сам Олдридж говорит, что его книга – это «спор о романтизме». Спор интересный, а главное – очень *предметный*.

Наполеон вот не любил романтизм. Но именно романтики сделали из него героя на все времена. Это при том, что романтизм – многолик, а Наполеон у романтиков – разный.

Ключевое слово. Начинали романтики, продолжили – все. Напомню, что в мировой истории Наполеон второй по популярности персонаж после Иисуса Христа. Как в воду глядел император, когда говорил: «Мое имя будет жить столько же, сколько имя Бога».

Тысячи книг! Абсолютный восторг и лютая ненависть, дешевое морализаторство и глубина понимания, ложь, сентиментальность – в них есть все. Кроме равнодушия. Про На-

полеона беспристрастно – такого просто не бывает. Людей, которые прочли *все*, что написано о Наполеоне, не существует. Жизни бы не хватило.

Никто, кроме специалистов, не обязан изучать научную литературу. Не каждый любит читать мемуары. Но многим интересен Наполеон. Люди, как правило, знакомятся с образом, созданным воображением писателя. Император не стал бы возражать, он сам говорил, что его жизнь – «удивительный роман». Пусть пишут!

Пишут. Иногда – просто от скуки, как бывший президент Франции Валери Жискар д’Эстен. Он признался, что маялся как-то зимой от безделья и решил написать роман про «зиму 1812 года». Честно говоря, если вы не любитель альтернативной истории, тратить время на книгу президента не стоит.

Субъективно? Дальше будет еще более субъективно. Ведь я предложу вам *свой* выбор.

...Почему романс «Два гренадера», даже в исполнении Шаляпина, ранит мне уши, а не сердце? Уберите музыку великого Шумана, оставьте только стихи великого Гейне, и я начинаю рыдать.

*То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!*

Личное восприятие, ничего не поделаешь. Я ценю превыше всего *слово*. А слова о Наполеоне изучаю очень страстно. И дальше разговор у нас пойдет о *словах о Наполеоне*. О людях, которые писали о нем. В разное время, в разных странах. Эта часть книги не только о литературе, но и о пресловутом человеческом факторе.

Конечно, я начну с французов. Заслуживают хотя бы потому, что они соотечественники великого императора. Шучу. Просто кто-то может говорить о Наполеоне отстраненно, но французы – ни при каких обстоятельствах.

Скажу в последний раз: эта книга – не энциклопедия. «Про все» и «про всех» в ней не будет. Будет лишь некая *картина*. И – неслучайный выбор. В книге ведь нет точных ответов. Я лишь надеюсь, что вы поймете, *как появляются вопросы*.

Глава первая

Французы. Эффект сопричастности

Наполеон – великий книголюб. Картин и гравюр, на которых он изображен *читающим*, очень много. Видимо, ему самому нравился такой сюжет. Он всегда находил время для того, чтобы заниматься собственной библиотекой. У него были и личные библиотекари.

О литературных предпочтениях императора известно многое, мы также знаем, что читатель он пристрастный и нетерпеливый. Если Наполеону что-то не нравилось, мог и в камин книгу бросить. Заметим, что в огне, как правило, оказывались книги современных авторов. Понятно, не Плутарха же сжигать.

Передвижная, или походная, библиотека императора состояла из примерно трех тысяч книг. То, что должно быть под рукой. Три тысячи? В разы меньше того, что за два века написано о самом Наполеоне! В первую очередь, конечно, его соотечественниками.

Могли бы какие-то из них оказаться в *его* библиотеке? Да, и, наверное, многие. С другой стороны, и в камине наверняка полыхало бы так, что страшно представить.

В общем, я пошел по простому пути. Выбрал тех соотечественников императора, которые, во-первых, еще застали *эпоху*, а во-вторых, создали то, что как минимум *интересно*

и сегодня.

Уроки «гениальности» от Шатобриана

Франсуа Рене де Шатобриан. Настоящий «сумрачный гений»... Достаточно посмотреть на любой его портрет, чтобы это понять. Всклокоченные волосы над узким лицом, глаза – угли над орлиным носом... Аристократ по рождению, философ по призванию. Шатобриан, наверное, больше философ, чем писатель. Однако он волшебник слова. Стиль для него важнее мысли, он непрост для восприятия. Все время оказывался в центре событий – и воспевал одиночество. Метущая натура, как и положено романтику.

Шатобриан – начало всех начал, он – «отец» французского романтизма. Его отношения с Наполеоном настолько сложные и причудливые, что достойны не одного романа. Сам Шатобриан назвал их «смесью гнева и тяготения». Так оно и есть, причем с обеих сторон.

Шатобриан покинул Францию из-за революции, а вернулся на родину благодаря Наполеону. Точнее, амнистии для эмигрантов, объявленной первым консулом в 1802 году. Уезжал просто в шоке от происходящего, вернулся готовым романтиком.

Мне бы не хотелось здесь подробно говорить о романтизме. Упомяну лишь азбучные истины, основы основ. Неприятие *буржуазной* революции и традиций Просвещения. Осо-

бое внимание к религии. Противопоставление чувств человека идее «все объясняющего разума». Коротко, конечно, но для понимания вполне достаточно. Нас ведь интересует не вся литература, а *литература о Наполеоне*.

По этой же причине я оставляю в покое привычную связку «Шатобриан – Жермена де Сталь». О последней мы еще поговорим, причем в другой связке.

Итак, Наполеона считают «душителем свободы слова» и вообще – свободы. Обвинение справедливое, но лишь отчасти. Шатобриан – наглядный пример того, что отношение и к свободе, и к слову у императора довольно своеобразное. Он все же человек, воспитанный на традициях Просвещения. А самое главное – Наполеон умел подняться над суетой и оценить по достоинству то, что было *действительно талантливым*, а не только *полезным*.

В 1802-м Шатобриан публикует своего «Гения христианства». Программное произведение не только для французского, но и для всего романтизма. Апология христианской религии, написанная очень талантливым человеком. Художественно-эстетическая программа, которая произвела сильное впечатление на современников и – понравилась Наполеону.

Тому есть некое простое объяснение. Дескать, во Франции появилась мода на «умеренный консерватизм», первый консул сам этому потворствовал и трактат Шатобриана оказался очень ко времени. Все так, конечно, но Наполеон, в

чем не приходится сомневаться, оценил и художественные достоинства «Гения христианства». Произведение было по-настоящему сильным. Наполеон восхитился. Настолько, что предложил Шатобриану дипломатическую должность при папском дворе.

Забегая вперед, скажу, что политик из Шатобриана так себе. Уже в годы Реставрации он сделает прекрасную карьеру, какое-то время даже будет министром иностранных дел. Однако Шатобриану всегда не хватало ни отстраненности, ни холодного расчета. Он – человек из «империи чувств».

После казни герцога Энгийенского отношения между Наполеоном и Шатобрианом испортились. Дело доходило до ссылок (недалеко, под Париж), но в 1811 году именно император настоял на том, чтобы Шатобриана избрали членом Французской академии. А ведь Шатобриан к тому времени уже стал яростным критиком Наполеона.

Да, странные это были отношения. Два гения, которые уважали и презирали друг друга...

Наполеон уйдет, Шатобриан останется. Превратится, как обычно говорят, в ультрароялиста. Не соглашусь. Формально он им *выглядел*, по сути никаким «ультра» он никогда не был. Шатобриан очаровывался и разочаровывался много раз в жизни, до самого ее конца, – ну какой из него «ультра»?

Какое-то время он осыпал императора проклятиями, потом у него появилось время подумать. И конечно же, Наполеон стал для него «романтическим героем», иначе и быть

не могло. Название самого грандиозного сочинения Шатобриана переводят по-разному. «Записки из могилы» или «Замогильные записки» – разница невелика. По факту они появились уже после его смерти, в 1848 году. Писал их Шатобриан много лет, по форме автобиография, по сути – нечто большее. И Наполеон в «Записках» – один из главных персонажей.

«В Бонапарте столь сильно было выражено абсолютное всевластие, что после того, как мы пережили деспотизм его личности, нам предстоит испытать деспотизм его памяти. Этот последний деспотизм гораздо сильнее, чем первый, так как, будучи живым, он не мог охватить мир, а умерев, завладел им».

Какая заявка! Шатобриан все объяснит про величие Наполеона. И признает, что он сильная личность, покончившая с анархией и беспорядком. Что он создал могущественное государство. Однако Шатобриан говорит и о *вине* французов в обожествлении Наполеона.

«Мы исчезли, все подчинялось ему». Это плохо, очень плохо. Однако про «деспотизм памяти» он сказал неслучайно. Шатобриана часто упрекают в непоследовательности. Обычный упрек в адрес почти всех романтиков. Но вот в чем Шатобриан вполне последователен, как самый настоящий романтик. Личность! Вот что привлекает Шатобриана в Наполеоне, что вызывает восхищение. Неподдельное. Наполеон и Шатобриан – они ведь оба *романтики*. Потому их и так тя-

нуло друг к другу.

Стендаль против госпожи де Сталь

«Стиль историка. Серьезность, серьезность!.. Мой стиль будет совсем особый; поскольку он будет все осмеивать, он будет точен и всегда оживлен.

Почему требуют серьезности? Потому, что хотят превратить историков в проповедников, которые искореняют пороки. Кого хочет история просветить? Королей. Но они не обращают на нее никакого внимания. Осмеивая орудия их власти, можно сделать труднодоступным, даже невозможным для них то самое, к чему столь бесполезно пытались вызвать их отвращение. Неужели я не отниму у мужа красавицу-жену только потому, что некий высокочтимый автор, именуемый Тацитом, автор чрезвычайно серьезный, заклеил подобное преступление? Вот так причина!»

Запись сделана в дневнике 13 октября 1808 года. Анри Бейлем, пока еще не Стендалем. Человеком, который напишет одну из первых «больших книг» о Наполеоне. Историк? Нет. Писатель, конечно. Причем серьезный. Только оценят Стендаля по достоинству лишь во второй половине XIX века. Он и сам считал, что современники его не поймут. Так и было. Только это утверждение справедливо в отношении романов Стендаля. С его отношением к Наполеону все стало более-менее понятно еще при жизни писателя, хотя знаме-

нитуую «Жизнь Наполеона» опубликуют уже после его смерти.

Я же главного «наполеоновского» труда Стендаля касаться почти и не буду. Скажу лишь о самом важном.

Две первые из получивших широкую известность биографий Наполеона написаны не историками, а писателями. Стендалем и Вальтером Скоттом. Казалось бы, Скотт, мастер исторического романа и, в общем-то, неплохой историк, должен был превзойти Стендаля, но нет. «Наполеон» Стендаля гораздо лучше.

О том, чем плох «Наполеон» Вальтера Скотта, мы еще поговорим. Сейчас – о противостоянии Стендаля и женщины, которую считают самым ярким врагом Наполеона.

«...Мне Сталь достойна носить мужские штаны на том свете» (из письма Н. М. Карамзина П. А. Вяземскому). За такую похвалу великого русского писателя и историка сейчас бы раскритиковали. А в те времена, если бы женщине сказали, что у нее мужской ум, дама была бы, скорее всего, польщена. Жермена де Сталь – навверняка.

Ей нравилось быть умнее мужчин, очень нравилось. Однако насчет «мужских штанов» совсем не уверен. Внимание сильного пола Де Сталь тоже ценила весьма высоко. Впрочем, я в этом убежден, больше всего Жермена де Сталь восхищалась собой. И когда кто-то не разделял самое сильное из ее чувств, она могла обидеться.

«Госпожа де Сталь была, к несчастью, довольно некра-

сивой и сильно огорчалась этим, так как, казалось, в глубине души ее жила потребность всяческих успехов. Имея недурную наружность, она, быть может, была бы счастливой, так как оставалась бы спокойной. Но в ее душе было слишком много страстности – и она не могла не любить, между тем ум ее был слишком склонен к воображению – и она не могла не думать, что любит. Будучи знаменитостью, она привлекала внимание, и это тешило ее тщеславие. Хотя, по существу, это была очень добрая женщина, но вызывала она ненависть и зависть, пугала женщин и оскорбляла многих мужчин, ставя себя выше их».

Женщина о женщине. Мадам де Ремюза и мадам де Сталь в чем-то сильно похожи. Обе не очень красивы и очень умны. Де Ремюза, конечно, не столь популярна, да и на роль «властительницы дум» она никогда не претендовала. Широкую известность получила благодаря своим «Мемуарам», опубликованным уже после ее смерти. Подруга Жозефины, фрейлина императрицы.

Де Ремюза и ее муж входили в число наиболее приближенных к Наполеону людей. Потом предали императора и стали его противниками. Похоже, очень похоже...

Однако при чтении знаменитых «Мемуаров» тебя не покидает ощущение – де Ремюза остро критикует Наполеона и все равно восхищается им. У де Сталь все по-другому. От восхищения она перешла к ненависти и объяснять все «идейными разногласиями» нельзя ни в коем случае.

Мадам де Сталь была сильно увлечена Наполеоном. Она и сама в этом признавалась, а госпожа де Ремюза подтверждает: *«Она (де Сталь. – М. К.) страстно заинтересовалась им, искала и преследовала его повсюду»*. Она очень хотела покорить его. Властвовать не столько над телом, сколько над душой. Не получилось.

«Дурна как черт и умна как ангел». Так сказал о Жермене де Сталь русский поэт Батюшков. Не знаю, насколько умны ангелы, но де Сталь точно не тот тип женщины, который мог бы понравиться Наполеону. Он, кстати, очень любил беседовать с мадам де Ремюза, играл с ней в шахматы, но никогда не пытался «покорить» ее.

Мы можем сделать простой вывод: красоту, очаровательность он всегда ценил больше, чем ум. Это факт. Еще он считал, что женщина «должна знать свое место». В его понимании де Ремюза, в салоне которой часто звучали «крамольные речи», свое место все равно знала, а де Сталь – нет.

«Госпожа де Сталь сначала беспокоила его, потом не нравилась ему. Он холодно отнесся к ее авансам и вызвал ее раздражение своими твердыми и иногда сухими словами. Он задел некоторые из ее взглядов; между ними установилось некое недоверие, а так как оба они были натурами страстными, то это недоверие скоро перешло в ненависть».

Клер де Ремюза и правда очень умная женщина. Объяснила все просто и точно.

Едва ли не в каждой второй книге о Наполеоне мож-

но встретить такую мысль: де Сталь, дескать, единственная женщина, которую он боялся. Я бы сказал – побаивался, но суть-то все равно не в этом. А в том, что по отношению к ней он испытывал по-настоящему *сильное* чувство. Раздражения, злости. Наполеон, будучи в общем-то человеком совсем не мстительным, очень последователен в своей неприязни к де Сталь. Запреты на издание произведений, изгнания – все имело место. При том что никаких политических амбиций у де Сталь нет и представляет она только саму себя. На Святой Елене император скажет: «...*Не могу назвать ее злой женщиной, но она была неутомимой интриганкой, обладавшей значительным талантом и большим влиянием*».

Видите? Талант признал, что же до всего остального... Повторю: речь идет о некоем сильном чувстве. Проще всего назвать его ненавистью, и это будет сильно похоже на правду.

Ненависть, как и любовь, чувство иррациональное. Можно сказать, что мадам де Сталь, поборница свободы, выступала против деспота и тирана. Отчасти так и есть. Только я снова скажу о чувстве. В котором сложно переплелись и разочарование женщины и человека, и страх, и многое другое. Она начала *свою войну* с императором и оказалась очень достойным противником.

Два «главных залпа» Жермены де Сталь по Наполеону – это «Десять лет в изгнании» и «Размышления о главных событиях Французской революции». Отрывки из первого произведения публиковались при жизни де Сталь, второе появи-

лось уже после ее смерти, в 1818 году. Первое – до сих пор читается с большим интересом, второе – сильно похоже на многие другие.

Жермена де Сталь – очень талантливый писатель, однако преувеличивать ее значимость не стоит. Я, конечно, высказываю лишь свое мнение. Меткие суждения, язвительные оценки хороши прежде всего для *своего* времени. Много из того, что вызывало восхищение, временем же и отвергнуто. Ее современник Шатобриан до сих пор заставляет думать, а де Сталь – скорее реагировать.

Именно по этой причине я и не буду подробно говорить о ее трудах, а скажу лишь, что о Наполеоне она отзывалась либо плохо, либо очень плохо. Повод вернуться к Стендалю, ибо между трудами де Сталь и творчеством писателя есть прямая связь.

«Я пишу „Жизнь Наполеона“ как ответ на некий *пасквиль*». Стендаль высказался вполне определенно. «Пасквиль» – только что появившаяся книга де Сталь «Размышления о Французской революции». Стендаля возмутили высказывания де Сталь об императоре. Настолько, что он решил написать свою историю жизни Наполеона.

Написал. Если сегодня читать биографию, вышедшую из-под пера Вальтера Скотта, я категорически не рекомендую, то книгу Стендаля очень советую. Стендаль, в отличие от шотландца, не только современник, но и участник событий. Он офицер наполеоновской армии, он побывал в России в

1812-м. И Стендаль отнюдь не бонапартист. Он и критикует Наполеона, и у него есть своя концепция. Сейчас она оригинальной не выглядит, но для первой трети XIX века – и свежая, и интересная. Но нас-то в первую очередь интересует треугольник де Сталь – Наполеон – Стендаль.

Итак, «Жизнь Наполеона» – своего рода ответ на «пасквиль». Стендаля часто упрекают в том, что писатель попытался сделать невозможное, увязать «критику с хвалами», но восхищения Наполеоном он все равно не скрывал, да и не пытался. И Стендаль вроде бы отвечал не только Жермене де Сталь, но и всем реакционерам эпохи Реставрации.

Все ненавидели Наполеона, но только мадам де Сталь ненавидела его так талантливо. Стендаль это признает – и тоже начинает «войну».

Самое знаменитое его произведение, роман «Красное и черное». Глава восьмая второй части. Матильда де Ла-Моль, одна из главных героинь, размышляет: *«Я красива – это то самое преимущество, за которое госпожа де Сталь отдала бы все, и, однако, я умираю со скуки».*

Стендаль, Стендаль... Сразу и по больному! Не очень-то красиво? Наверное. Стендаль разозлился, а злиться на всех сразу нелепо. Зла не хватит. Другое дело – один конкретный человек. Зло должно быть персонифицированным!

На выпады Стендаля в адрес уже покойной мадам де Сталь многие обратили внимание. Особенно на вышеприведенный пассаж из «Красного и черного». Кто-то писал, что

это вовсе не героиня романа, а его создатель самоутверждался за счет женщины, которая уже и ответить не могла.

Полагаю, что речь всего лишь снова идет о *чувстве*. Стендаль чувствовал острую потребность в том, чтобы защитить Наполеона. Это было по меньшей мере честно. От кого? Не от авторов же дешевых антинаполеоновских памфлетов, которые буквально заполонили Францию. Так ли уж они опасны? Произведения мадам де Сталь – совсем другое дело. Она была чрезвычайно популярна. И во Франции, и в особенности во всей остальной Европе. В России ей оказывал покровительство сам Александр I, Пушкин восхищался ею.

Стендаль, который никогда не был националистом, начинает упрекать де Сталь в том, что она не настоящая француженка! Так ведь и Жермена де Сталь при каждом удобном случае напоминала о том, что Наполеон – корсиканец.

В общем, на войне, как известно, все средства хороши. Стендаль воевал с мадам де Сталь на редкость последовательно. Пострадал ли в этой войне Наполеон?

Сколько вокруг него было таких локальных конфликтов! Великие против великих... Никто никого не победил.

...Хотя я все равно до конца так и не смог понять, почему все же ненависть Наполеона к де Сталь была почти столь же сильной, как любовь к Жозефине?

И ведь до самой смерти! Однажды на Святой Елене он решил перечитать роман де Сталь «Коринна». Через какое-то время из комнаты императора донеслись крики: «*Я вижу ее*,

я слышу ее! Я ее чувствую и хочу бежать от нее! Выбросьте эту книгу!»

«Народный» романтик Дюма

Дюма – один из моих любимых писателей. Я принадлежу к тому поколению людей, представители которого знали «Трех мушкетеров» почти наизусть. А вот о том, что автор романа – сын известного революционного генерала, я узнал, лишь прочитав замечательную книгу Андре Моруа «Три Дюма». Давно это было...

Очень рекомендую к прочтению сегодня. Моруа – признанный мастер исторического портрета. И генерал Тома – Александр Дюма – личность прелюбопытная. Плод любви французского аристократа маркиза де ла Пайетри и гаитянской темнокожей рабыни Марии-Сессеты Дюма. Поступив в армию, он возьмет фамилию матери и первым ее прославит.

Да, Дюма-дед благодаря революции станет довольно известным полководцем. Именно он, кстати, был призван подавить «мятеж 13-го вандемьера», но Дюма задержался в дороге. К тому времени, когда он приехал в Париж, задачу решил другой, куда менее известный генерал по имени Наполеон Бонапарт.

Дюма начал воевать под руководством Бонапарта. Воевал хорошо, в Египте уже командовал всей кавалерией. Потом генералы разругались. Дюма – человек горячий, он в резкой

форме потребовал возвращения во Францию. Бонапарту это не понравилось.

Карьера Дюма-деда пошла на убыль. К тому же генерал заболел. Скончался он в своем имении в 1806 году. Его сыну, тоже незаконнорожденному, не было и пяти лет... В тринадцать Дюма-средний увидел императора, ехавшего в карете. Дальше Наполеон будет присутствовать лишь в его сочинениях.

Есть у французов такая поговорка: «Всего Дюма не прочитал никто». Похоже на правду. Я, при всей своей любви к Дюма, тоже прочел, наверное, десятую часть из написанного, а может, и меньше. Впрочем, плодovitость Дюма – факт широко известный. По этой причине многие склонны считать его писателем «второсортным», хотя романы Дюма пользовались феноменальным успехом.

Замечу, что Дюма никогда не претендовал на «глубину проникновения в историю», особо не дорожил фактами и вообще – история для него не «священная корова». Он ее не переписывал, а, скажем так, разбавлял здоровым вымыслом. Хорошую историю, как известно, не соврешь – не расскажешь. А Дюма не то чтобы врал, он, назовем это так, делал ее *яркой*. Отнеситесь с пониманием.

Дюма, при всей его «несерьезности», крупнейший мастер исторического романа. Не стоит, правда, забывать и о том, что Дюма никогда не стеснялся демонстрировать свое собственное отношение к историческим персонажам. Симпа-

тию или антипатию, а подчас и более сильные чувства. Он писатель – разве можно его за это осуждать?

Хотя... Мне, как автору книги об адмирале Нельсоне, не очень нравится то, как Дюма в романе «Луиза Сан-Феличе» описал поведение британского флотоводца в Неаполе летом 1799 года. Тенденциозно. Слово вычурное, но вполне подходящее. Но сын боевого генерала, судьба которого круто изменилась после того, как Нельсон уничтожил французский флот при Абукире, имеет право на пристрастность. В любом случае Дюма – один из самых ярких представителей французского романтизма, причем особой его разновидности, которую часто называют «народным романтизмом».

Философии, как у Шатобриана, в произведениях Дюма нет, а некая философия истории – есть. Хотя вряд ли сам писатель употребил бы подобное выражение. Как романтики воспринимают прошлое? Точно, по-новому. Не как какую-то массу «нравоучительных примеров», а как некий процесс изменений, в котором ничего не повторяется. Решающую роль в нем вполне могут сыграть не монархи, а вполне обычные люди. Ход истории легко разворачивает, скажем, дружная компания мушкетеров. И краски, краски! Воссоздать *колорит эпохи*, дать читателю возможность *почувствовать* ее – вот что делают романтики.

Книги Дюма – настоящий «народный романтизм». Авантурные романы, простые, доступные для понимания. С буйными страстями и обязательными любовными линиями. Раз-

влекательная история, но все равно – история.

Пора уже вспомнить и про Наполеона. У Дюма довольно непростые отношения с императором. Точнее, с его образом. Дюма наверняка думал, что император не очень хорошо обошелся с его отцом, хотя и признавал, что генерал «совершил ошибку». Говорят, что в 20-е годы XIX века Дюма предлагали сменить фамилию, стать де ла Пайетри, как дед. Он отказался.

Разумеется, Дюма считал Наполеона героем. Писатель восхищался сильными личностями, более того – он их придумывал. Один граф Монте-Кристо чего стоит. Но хотя в его романах много политики, Дюма, например, не стал бонапартистом. При том что он довольно активно общался с представителями клана Бонапартов.

Дюма не раз посещал будущего императора Наполеона III, тогда еще принца Луи Наполеона Бонапарта, когда тот содержался под стражей в крепости Гам за попытку организации мятежа. Кстати, племянник Наполеона бежал из тюрьмы вскоре после того, как были опубликованы последние главы романа «Граф Монте-Кристо». Ничего не напоминает? Впрочем, наш герой не «маленький племянник», а «большой дядя». Тот, кто в «Графе Монте-Кристо» присутствует скорее незримо.

Я не буду говорить о так называемой беллетризованной истории, о биографиях. Условно – книгах из серии «Жизнь замечательных людей». У Дюма их немало, и одна из них как

раз про Наполеона. Скажу лишь одно: у вышеупомянутого Моруа это получалось значительно лучше. Просто «биография» у Дюма – вещь абсолютно проходная, не прочтете – ничего не потеряете.

Интересный Наполеон – он в тех произведениях, в которых его имя не фигурирует в названиях. У Дюма есть несколько романов о Французской революции: «Белые и синие», «Графиня де Шарни», «Соратники Иегу»... В них уже есть кое-что о генерале Бонапарте. Однако *главная* книга Дюма о Наполеоне – «Шевалье де Сент-Эрмин».

Последний, незаконченный роман писателя... Иногда его называют *завещанием*, что, на мой взгляд, является очень сильным преувеличением. Но вот судьба у этого произведения совершенно фантастическая.

Во-первых, «Шевалье де Сент-Эрмин» был опубликован совсем недавно. Во-вторых, мы имеем возможность прочитать его благодаря стараниям одного человека – литературоведа Клода Шоппа. Именно он не только систематизировал газетные публикации романа, но и отредактировал его, исправил ошибки и даже дописал последнюю главу.

«Шевалье де Сент-Эрмина» быстро издали в России – у нас много поклонников Дюма. Публикацию книги сопровождали «шумные анонсы», вроде сам писатель считал ее «одним из своих лучших творений». И ведь не проверишь, хотя известно, что Дюма, вообще-то, на первое место ставил «Графа Монте-Кристо». Я бы выбрал «Трех мушкетеров»,

но это дело вкуса. В любом случае «Шевалье де Сент-Эрмин», что самое важное, лучше всего показывает *отношение* Дюма к Наполеону.

Писатель придумал хорошего героя. Де Сент-Эрмин – аристократ, который восхищается Наполеоном. Сражается против него, потом – за него. Яркая картина великой славы Франции. Романтик Дюма в лучшем виде. Что же касается Наполеона... Как минимум у Дюма он выглядит человеком противоречивым, каким, собственно, и был.

Великим при всей его противоречивости. Конечно, великим, а каким еще? Так говорит шевалье де Сент-Эрмин, а значит – Дюма. В своем последнем романе.

«Он сидел в глубине справа, в зеленом мундире с белыми обшлагами, с орденским знаком Почетного легиона. Его лицо, бледное и болезненное, но прекрасное, словно с античного барельефа, казалось грубо вытесанным из глыбы мрамора и сохранившим его желтоватый оттенок».

Это не из романа, это воспоминания тринадцатилетнего подростка, сына наполеоновского генерала, который впервые увидел императора. «Прекрасное лицо с античного барельефа...» Вот что такое романтизм.

Гюго. Совпадения и различия

Отец Виктора Гюго – тоже генерал наполеоновской армии. Еще двух знаменитых романтиков объединяет то, что

они ровесники.

Все обожают совпадения в истории, хотя чаще всего ничем иным, кроме как совпадениями, они и не являются. Дюма и Гюго, к примеру, очень разные люди. Дюма вырос в бедности и не получил толкового образования. Гюго – выходец из вполне обеспеченной семьи, который с детских лет мог развивать свои таланты, а их было немало.

Дюма – сибарит, обожавший жизнь во всех ее проявлениях. Гюго – человек более сдержанный, хотя оба питали большую слабость к женщинам, и здесь, пожалуй, Дюма более «успешен». Зато по части тщеславия Гюго, как ни странно, заметно превосходит любившего хвастаться Дюма.

И вот еще. Дюма по большому счету далек от «реальной политики», Гюго занимался ею очень активно. Писатель был непримиримым противником Наполеона III, он вел борьбу с ним еще тогда, когда племянника великого императора звали Луи Наполеон Бонапарт и он занимал пост президента Франции. После переворота 1851 года Гюго бежал из страны и написал знаменитый памфлет «Наполеон малый». Едкий, злой. Но нас интересует его отношение к «Наполеону большому».

Виктор Гюго, пожалуй, самая *значительная* фигура в истории французского романтизма. Я говорю не о таланте, здесь можно спорить, а о вкладе в само направление. С точки зрения идей, стиля, Гюго – наиболее последовательный из романтиков. И это при том, что на писателя, драматурга

и поэта сильнейшим образом влияла политическая жизнь, а она в первой половине XIX века во Франции была весьма бурной.

Менявшиеся политические предпочтения Гюго дают возможность выделять *периоды* в его творчестве, а какой историк не ценит хронологию? Поразительно другое. Гюго был убежденным роялистом, потом стал умеренным, затем превратился в критика монархии и все время... оставался романтиком.

Наполеон интересовал его с детских лет. Во время «Ста дней» он уже подросток, а его отец, кстати, сразу переходит на сторону бежавшего с Эльбы императора. Это не сильно навредило ему в дальнейшем, в «кампании Ватерлоо» он не участвовал. А юный Гюго слушает и наблюдает. Дух противоречия, верный спутник Гюго от рождения до смерти, как раз тогда поселяется в нем.

В двадцать с небольшим он напишет несколько од и стихотворений о Наполеоне. «Моему отцу», «Два острова», «Проклятия»... Создаст невероятно романтический образ.

*Как презирал он жизнь – там, на Святой Елене,
Когда морская даль гасила в отдаленье
Печальный, мертвенный закат.
Как был он одинок в вечерний час отлива,
Как англичанин вел его неторопливо
Туда – в почетный каземат!*

*С каким отчаяньем он слушал гул проклятий
Тех самых воинских неисчислимых ратей,
Чье обожанье помнил он!*

*Как сердце плакало, когда взамен ответа
Рыданьем и тоской раскатывался где-то
Хор человеческих племен!*

Два острова, 1825

Обожаемый и прокливаемый! Наполеон Гюго... Он ненавидит его за «пролитую кровь» (Гюго вообще пацифист) и не может не восторгаться «добытой славой». Вот она, двойственность, свойственная многим романтикам. Только у Гюго чем дальше, тем больше восторгов.

Считается, что эволюцию творчества Гюго легче всего проследить на примере его пьес. Наверное, так оно и есть. Пьесы имели шумный успех, однако где, кроме Франции, сейчас ставят «Рюи Блаза» или «Эрнани»? Все хорошо во времени и ко времени. У Гюго есть романы на века – «Собор Парижской Богоматери» и «Отверженные». А в «Отверженных» есть описание битвы при Ватерлоо, которое до сих пор волнует не только читателей, но и историков.

«Прохожий выпрямился, сделал несколько шагов и заглянул за изгородь. На горизонте, сквозь деревья, он заметил пригорок, а на этом пригорке нечто, похожее издали на льва.

Он находился на поле битвы при Ватерлоо».

Девятнадцать глав! Девятнадцать глав посвящены знаменитому сражению. В романе, все события которого разво-

рачиваются уже *после* Ватерлоо. Зачем Гюго это нужно?

Был бы я литературоведом, я засыпал бы вас умными словами. Вроде «симулякра», «дискурса» и «коннотации». Но я историк и немного писатель. Я просто выражу восхищение.

Никто не превзошел Гюго в описании самого знаменитого в мировой истории сражения. Никто не *прочувствовал* Ватерлоо лучше, чем великий романтик. Никто не *прославил* Ватерлоо так, как Гюго. Ведь большинство людей знакомятся именно с той яркой картиной битвы, которую создал писатель в «Отверженных».

В год столетия с момента публикации романа в Ватерлоо проводили специальные экскурсии. Что-то вроде «как написано у Гюго и как оно было на самом деле». Просвещение хорошо в любом виде. Я бы пошел на такую экскурсию. Но воспринимать это все серьезно?..

Театр военных действий не очерчен контурами буквы А, как в романе. Камбронн не произносил культовую фразу «Гвардия умирает, но не сдается!». И так далее и тому подобное. Солидные люди ищут «несоответствия», утверждают, что Гюго – один из главных творцов «мифов Ватерлоо».

Я сам написал книгу о Ватерлоо. И могу утверждать, что мифы и легенды – *неотъемлемая часть* истории сражения. Так было, есть и будет. Почему? Гюго первым дал ответ на этот вопрос. Развернутый, в девятнадцати главах.

«Пробил час падения этого необыкновенного человека. Чрезмерный вес его в судьбе народов нарушал общее равнове-

сие. Его личность сама по себе значила больше, чем все человечество в целом. Этот избыток жизненной силы человечества, сосредоточенной в одной голове, целый мир, представленный, в конечном итоге, мозгом одного человека, стали бы губительны для цивилизации, если бы такое положение продолжалось. Наступила минута, когда высшая, неподкупная справедливость должна была обратить на это свой взор. Возможно, к этой справедливости вопияли те правила и те основы, которым подчинены постоянные силы тяготения как в нравственном, так и в материальном порядке вещей. Дымящаяся кровь, переполненные кладбища, материнские слезы – все это грозные обвинители. Когда мир страждет от чрезмерного бремени, мрак испускает таинственные стенания, и бездна внемлет им.

На императора вознеслась жалоба небесам, и падение его было предрешено.

Он мешал Богу.

Ватерлоо отнюдь не битва. Это изменение облика всей вселенной».

Я не сторонник длинных цитат, но здесь и слова не сократишь. Иначе не поймешь ни Гюго, ни его замысел. Дождь, который срывает планы Наполеона, мощнейшее описание бесплодного штурма замка Угумон, феерическая картина атаки кавалерии на британские каре, приход Блюхера... Детали, колорит – то, что всегда было очень важно для романтиков. И это «история в деталях», которая подводит к главно-

му выводу.

Насчет «изменения облика вселенной» Гюго, может, и погорячился, но... Ватерлоо – конец эпохи. С чем тут спорить? Роман «Отверженные» уже о другой эпохе, и она писателю не нравится, но он не зря посвятил «точке отсчета» девятнадцать глав. Как истинный романтик, он попрощался с самым ярким периодом в истории человечества вот таким образом. Рассуждением о добре и зле, не абстрактном, а на примере героического события.

И только в рамках этого события его Наполеон – абсолютно трагический персонаж. Гюго сочувствует ему, что наиболее заметно в противопоставлении императора Веллингтону. Здесь я, кстати, с Гюго не согласен. Слишком уж писатель принижает заслуги Железного герцога, но я понимаю, почему он так поступает. Веллингтон, конечно, совсем не романтический герой.

Гюго за многое винит Наполеона. Прежде всего за пролитую кровь. За деспотизм. Но он романтик и француз. Он признает, что *«Империя была сама слава»*. Добавляет: *«Она распространила по земле весь свет, на какой только способна тирания; но то был мрачный свет. Скажем больше: черный свет. В сравнении с днем – это ночь. Но когда эта ночь исчезла, казалось, наступило словно затмение»*.

Вот за что я ценю романтиков – за образность. Мало кто может с ними сравниться. Возможно, именно стремление к созданию яркого образа, витиеватая красота слов позволяют

им прийти к поразительным выводам. Тем, что ценнее абстрактных рассуждений о добре и зле. Когда нечто пронзительное рождается будто невзначай. Как у Гюго, сказавшего о покидающем поле Ватерлоо Наполеоне: *«Великий лунатик, влекомый погибшей мечтой...»*

Наполеон в «Человеческой комедии» Бальзака

...Он скрывался от кредиторов и маленький домик на улице Кассини в Париже снял под именем г-на Сюрвилля. Он был должен огромные деньги и тратил последние на обустройство нового жилья. Здесь он собирался остаться надолго. Ходил на рынки, к старьевщикам, покупал разные безделушки.

Приобрел ли он сам эту гипсовую статуэтку Наполеона или она стояла на камине и раньше? Неважно. В один из дней он взял листок бумаги и написал на нем: *«Что он начал мечом, я довершу пером»*. Написал – и приклеил к камину.

...1828 год. Оноре Бальзаку было двадцать девять лет, он родился в 1799-м, в год, когда генерал Бонапарт совершил государственный переворот и пришел к власти. В доме на улице Кассини он проживет почти десять лет, здесь родятся многие персонажи одного из самых грандиозных произведений мировой литературы – *«Человеческой комедии»*.

Наполеон хотел покорить мир с помощью меча, Бальзак – пера. Писатель преуспел больше? В определенном смысле

да. Немало его современников-романтиков (Теофиль Готье, например) считало, что Бальзак не наделен большим «литературным даром». Но вряд ли крупнейший мастер реалистического романа мог бы дожидаться похвалы от романтиков. Однако мало кто из писателей может похвастаться таким даром, как неукротимая воля.

Настроение? Вдохновение? Это все не про Бальзака. Он работал двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Он хотел стать богатым с помощью литературы – и практически стал им. Стефан Цвейг не зря сравнил творчество Бальзака с тюрьмой, из которой он все время пытался вырваться.

«Но так как бегство не удается, так как ему предназначено творить, то чудовищная затаенная мощь вынуждена найти для себя такие масштабы воздействия, какие доселе не были известны в литературе. Безмерное станет его мерой, беспредельное – его пределом».

Никто лучше писателя Цвейга не понимал других писателей, я готов это повторять при каждом удобном случае. Цвейг много рассуждал и о «воле Бальзака», и о его невероятной работоспособности, чтобы прийти к выводу: *«В тот самый миг, когда в Бальзаке пробуждается художник, пред ним предстает великое видение – „Человеческая комедия“».*

«Грандиозный труд», «самый амбициозный литературный проект XIX века» – без малого два столетия идет соревнование по части эпитетов. Замысел был такой: изучить нравы современного писателю французского общества, то есть

первой половины XIX века.

«Человеческая комедия» – проект с довольно сложной конструкцией, что до сих пор обеспечивает работой литературоведов, философов, историков, психологов. Но нас интересует только Наполеон. Один из главных героев, хотя отдельного произведения, посвященного только ему, нет.

Ничье имя не употребляется в «Комедии» так часто, как имя императора! По разным поводам, в разном контексте. Вотрена, персонажа нескольких романов Бальзака, писатель называет «Наполеоном воровского мира». Есть и другие «Наполеоны» – финансов и так далее.

Иногда Наполеон бывает и участником описываемых событий, как в «Темном деле». Есть многочисленные воспоминания, есть, пожалуй, всё. При желании из разрозненных сцен можно составить едва ли не полную биографию Наполеона, но Бальзак писал не о его жизни, а о французах, для которых Наполеон – важнейшая часть *их жизни*. Его собственной – тоже.

Бальзак пристрастен, а значит – искренен. Его Наполеон – в рассказах людей, но отношение самого писателя мы понимаем очень хорошо.

Многие считают, что Бальзак, дескать, не был апологетом Наполеона. Ориентируются на его политические предпочтения. Бальзак действительно увлекался политикой и собирался даже сделать карьеру в самом мутном из человеческих занятий. Так ведь он всерьез подумывал и о том, чтобы «устро-

ить жизнь» и с помощью удачной финансовой махинации или женитьбы на богатой женщине.

Он не был бонапартистом? Нет, наверное. Можно, конечно, назвать его «умеренным легитимистом», только на его отношение к Наполеону это, на мой взгляд, не сильно влияло. И политиком он все равно не стал. Вернулся к литературе, к «Человеческой комедии». А значит, и к Наполеону.

«И вдруг показался довольно тучный невысокий человек в зеленом мундире, белых лосинах и ботфортах, в неизменной своей треугольной шляпе, обладавшей такою же притягательной силой, как и он сам; на груди его развевалась широкая красная лента ордена Почетного легиона, сбоку висела маленькая шпага... Возгласы „Да здравствует император!“ потрясли воодушевленную толпу. Вдруг все тронулось, дрогнуло, всколыхнулось. Наполеон вскочил на коня. Движение это вдохнуло жизнь в немую громаду войск, наделило музыкальные инструменты звучанием, взметнуло в едином порыве знамена и стяги, взволновало лица. Стены высоких галерей старинного дворца, казалось, тоже возглашали: „Да здравствует император!“ В этом было что-то сверхъестественное, то было какое-то наваждение, подобие божественного могущества или, вернее, мимолетный символ этого мимолетного царствования. Человек этот, средоточие такой любви, восхищения, преданности, столько чаяний, ради которого солнце согнало тучи с неба, сидел верхом на коне шага на три впереди небольшого эскор-

та из приближенных в расшитых золотом мундирах, с обергофмаршалом по левую руку и дежурным маршалом по правую. Ничто не дрогнуло в лице этого человека, взволновавшего столько душ».

Потрясающая сцена парада из «Тридцатилетней женщины». Кого так «взволновал» император? Главную героиню, Жюли д'Эглемон, или самого Бальзака?

Какой «умеренный легитимист»? Меч и перо! Наполеон, начинавший свой путь к славе на такой же нищенской мансарде, как и Бальзак, для писателя не только источник вдохновения. Он восхищается им. Императором, эпохой, героями.

Возможно, никто лучше Бальзака не сумел так мастерски препарировать современное ему общество. Францию второй четверти XIX века. Наполеона уже не было, но о нем не забыл никто.

Да, как раз в те годы создавалась новая «легенда о Наполеоне», да, Бальзака справедливо считают одним из ее главных творцов. Но мы даем *оценки* и не можем, в отличие от писателя, *чувствовать время*.

Что стоит за устойчивым клише «психологизм Бальзака»? Именно его способность понимать природу чувств. Это он первым из больших писателей-мужчин понял женщин так, что в одночасье стал их кумиром.

Он нигде не рассуждает о «месте и роли Наполеона в истории», он передает чувства других людей. Два произведения я

бы выделил особо. «Сельский врач» и «Полковник Шабер».

В «Сельском враче» – вся жизнь Наполеона, рассказанная стариком Гогла, ветераном армии. Народная легенда о Наполеоне! Правда и вымысел. И про договор с Богом, и про Красного человека. И про благодарных слушателей, заставляющих Гогла рассказывать одну и ту же историю при каждом удобном случае.

А какой колоритный персонаж один из главных героев, офицер Женеста, ярый поклонник императора!

«Сударь, – сказал Женеста, взяв доктора под руку и удерживая его, – я не читал ни одной реляции о войнах Магомета, посему не могу судить о его военных способностях, но, если б вам привелось наблюдать военную тактику императора во время французской кампании, вы бы просто сочли его богом. Да и разбили его при Ватерлоо лишь оттого, что он больше, чем человек, – тяжел он был для земли, и земля разверзлась под ним, вот и все».

«Больше, чем человек...» Не потому ли для многих жизнь без него просто невыносима?

«Мною нежданно овладел новый недуг – отвращение к человечеству. Когда я вспоминаю, что Наполеон на острове Святой Елены, – все претит мне в этом мире. Я не могу более быть солдатом, вот в чем моя беда».

Так говорит главный герой повести Бальзака. «Полковник Шабер» – одно из самых пронзительных произведений Бальзака. История ветерана наполеоновской армии, считавшего-

ся погибшим в битве при Прейсиш-Эйлау в 1807 году и вернувшегося в Париж только в 1818-м.

Дальше происходят события, о которых другой герой повести, адвокат Дервиль, скажет: *«...Все ужасы, которыми нас пугают в книгах романисты, бледнеют перед действительностью».*

Из-за человеческой подлости полковник Шабер теряет все. Включая имя.

«Что за судьба! – воскликнул Дервиль. – Провести детство в приюте для подкидышей, умереть в богадельне для престарелых, а в промежутке меж этими рубежами помогать Наполеону покорить Европу и Египет».

Судьба, судьба... Повесть Бальзака не только о Шабере. Она – о живых мертвецах. О тех, кто остался в «старом» мире и даже не пытался приспособиться к «новому». Этот новый мир не вызывает у них ничего, кроме отвращения и презрения. Отправиться в богадельню под чужим именем? А какая разница, где доживать оставшиеся годы?

«Полковник раньше знал графиню времен Империи, теперь пред ним была графиня времен Реставрации». Одной фразой Бальзак дает возможность почувствовать разницу. Он пишет о нравах современного ему общества, но с какой симпатией и даже любовью писатель говорит о тех, кого стали называть «обломками». О Шабере, о Женеста и старике Гогла...

Бальзак ведь по большому счету сравнивает не эпохи, а

людей. Все становится понятным.

По плану писателя, частью «Человеческой комедии» должны были стать «Сцены военной жизни». В «Сценах» есть только один роман, «Шуаны», написанный им еще в 1829 году. Что собирался сделать Бальзак? Точно известно, что в планах был роман о войне 1812 года. Он даже начал работать над ним.

9 августа 1843 года, будучи в России, приехал на гвардейские маневры в Красное Село. Хотел сделать что-то вроде зарисовок для будущего романа. От жары и переутомления упал в обморок. Вряд ли этот инцидент привел к тому, что в «Сценах военной жизни» так и остались лишь «Шуаны». К ним, правда, часто добавляют еще и рассказ «Страсть в пустыне», опубликованный в 1830 году.

Бальзак написал еще немало произведений, в которых наполеоновские войны не в центре, а являются неким фоном.

С героями, которые были участниками грандиозной эпопеи, в том числе и войны 1812 года. Например, роман «Модеста Миньон». Он, кстати, появился в 1844 году, то есть сразу по возвращении писателя из России. Значит, Бальзака как минимум взволновало увиденное и услышанное.

И все же роман о войне так и остался лишь задумкой. Почему? На сей счет есть много рассуждений. Я считаю, что Бальзак чего-то испугался. Скорее всего, того, что может не получиться. Ведь даже «Шуаны», хотя и вошли в «Сцены военной жизни», но они, в общем-то, не о войне.

Бальзак хотел показать общество «в состоянии наивысшего напряжения, выступившим из своего обычного состояния». Однако он всегда писал о конфликтах между людьми, которые как раз происходили в мирной, обыденной жизни. «Отголоски войны» были очень важны, но обратиться к самой войне... Полагаю, он засомневался. Предпочел делать то, что у него получалось лучше всего.

...А Наполеона в «Человеческой комедии» много. Очень много. Хотя никакого «целостного портрета» нет. Мы можем сами нарисовать его – Бальзак дает нам такую возможность. Об императоре говорят многие из его героев, иногда слово берет и сам Наполеон. Как в сцене из «Темного дела» накануне битвы при Йене.

«Вот, – продолжал он с тем особым, присущим ему красноречием, которое преображало трусов в героев, – вот триста тысяч человек, они тоже невиновны. И что же, тридцать тысяч из них завтра умрут, умрут за родину! Среди пруссаков, быть может, есть великий механик, философ, гений – и он погибнет. Мы, конечно, тоже лишимся каких-то неведомых нам великих людей. Наконец, может быть, и мне суждено стать свидетелем смерти моего лучшего друга. Но разве я стану роптать на бога? Нет. Я промолчу».

Глава вторая

По ту сторону Ла-Манша

«Кому после водки нужно английское пиво?»

Энтони Берджесс написал не только «Заводной апельсин», но и много других романов, в том числе о великом императоре. Называется он «Наполеоновская симфония», и вышеприведенные строки как раз оттуда.

«Водка» – это Толстой, а «английское пиво» – то, чем не хотел называться Берджесс. Его роман – «комический», и он за «тысячу верст от Толстойграда». Слова Берджесса. Очень, очень по-английски. С иронией и амбициями.

...У британцев, наверное, самое непростое отношение к Наполеону. В начале XIX века он был чудовищем, которым пугали детей. «Злобный карлик Бони!» Они его боялись, хоть и не признавались в этом. Оттого остро шутили. Потом очень долго «не замечали». Что-то вроде традиционной песни.

По большому счету Наполеон прочно поселился в английской литературе только в XX веке. Но правил без исключений не бывает. На мой взгляд, есть как минимум трое британцев, чей вклад в создание «литературного Наполеона» или огромный, или очень значительный. Вот они.

«Поверхностная» книга Вальтера Скотта

...До того как в Северном море нашли нефть, Шотландия была богата только героями. Так принято считать, для образности. Красиво, но... Не совсем честно. Шотландия подарила миру выдающихся писателей и поэтов, именно здесь родился столь почитаемый и поныне жанр, как исторический роман.

Другим странам и одного Вальтера Скотта хватило бы, а у Шотландии есть еще и Роберт Стивенсон. Суровые пейзажи способствуют развитию воображения. Хотя, признаюсь честно, то, что Вальтер Скотт не только писатель, но и историк, я узнал, а главное, понял довольно поздно, уже будучи студентом.

А когда стал преподавателем, читал студентам курс историографии. И, пользуясь служебным положением, посвящал Вальтеру Скотту отдельную лекцию. Куда-то она делась, но, может, оно и к лучшему. Я не то чтобы открывал для себя Скотта заново, но точно посмотрел на его творчество под другим углом зрения – не преподавателя, а специалиста по наполеоновской эпохе.

Ведь Вальтер Скотт написал одну из первых биографий Наполеона – в 1827 году, всего через несколько лет после смерти императора. Она имела шумный успех, и слово «шумный» здесь как нельзя к месту. Бывший адъютант На-

полеона Гурго всерьез обсуждал возможную дуэль со знаменитым писателем. Обошлось без кровопролития, но за их «газетной войной» с интересом наблюдала вся Европа.

«Страсти по Скотту» не закончились. Ладно Гурго – у него имелись причины обижаться на шотландца. Но зачем прекрасный американский писатель Марк Твен затеял нечто вроде «крестового похода» против Вальтера Скотта, мне до сих пор не очень понятно. Однако именно это он и сделал!

Гурго не понравилось только то, что Скотт написал про императора и про него лично, а вот Марк Твен ополчился на все сразу. Он не просто палил по шотландцу из всех орудий, он предпринял самое страшное из всего, что может произойти с писателем. Твен надсмехался – а что может быть страшнее? – над Вальтером Скоттом, пародировал его. А ведь, как сказал один из самых остроумных авторов в мировой литературе, *«никакой бог и никакая религия не могут пережить насмешки. Ни церковь, ни аристократия, ни монархия, ни любой другой обман не могут встретиться лицом к лицу с насмешкой и продолжать после этого свое существование»*.

Впрочем, самого Скотта едкость американца задеть уже не могла, свои «нападки» Твен начал уже после смерти «создателя исторического романа». Но мертвого – не жалел.

«Вальтерскоттовская отравка», «путаный и небрежный язык» «безжизненные подделки», «безмятежный разлив бессмысленного красноречия» и так далее и тому подобное. Героев Скотта Твен называл «бескровными манекенами», а

его замыслы – «убожеством».

Скотта, конечно, есть за что критиковать, я и сам это сделаю, но неистовый пыл Марка Твена кажется мне все же чрезмерным. Проще всего объяснить его конфликтом реализма с романтизмом, только это будет чересчур просто. Романтики ведь отвергали и традиции Просвещения, или классицизма, но более деликатно. Если они любили идеализировать прошлое, то реалисты обо всем рассуждают исходя из *реалий* современного общества. Обычно такой подход называют «антиисторичным». Можно ведь и Марка Твена упрекнуть в том, что, написав «Гекльберри Финна» в 1884-м, он прожил еще почти тридцать лет и не создал ничего даже близко приближающегося к его лучшей книге.

В общем, выражаясь словами самого Твена, недостатки в творчестве Вальтера Скотта были им «сильно преувеличены». Хотя имеются и очевидные, оспаривать это просто бессмысленно. Чудовищная «многословность», всегда плохо прописанные женские персонажи, да много чего...

Однако вплоть до последней трети XIX века шотландец был настоящим «властителем дум». Точно одним из самых читаемых авторов. Бальзак называл его «гением», им восхищались Байрон и Гёте, Пушкин и Лермонтов. Но среди современников Скотта нашлись и те, кто давал странные по тем временам прогнозы.

Знаменитый историк и философ Томас Карлейль (тоже, кстати, шотландец) всеобщую эйфорию не разделял и выска-

зал предположение, что феноменальный успех Скотта – явление временное. Это нечто модное, но отнюдь не вечное.

Книга самого Карлейля об истории Французской революции популярна до сих пор. Многие романы Вальтера Скотта – тоже. Но стал ли бы я рекомендовать его «Жизнь Наполеона» в качестве произведения, с которого стоит начинать знакомство с императором? Нет.

Это только Марина Цветаева читала все, что написано про Наполеона. А так – никто не обязан. Напомню, что первые две биографии императора, которые получили всеобщее признание, созданы Стендалем и Вальтером Скоттом. Как я уже говорил, если выбирать, то, конечно, Стендаля. Что во все не означает, будто «Наполеон» Скотта плох или безнадежно устарел. Шотландца-то все же называют историком, а француза – нет.

Я могу лишь подтвердить: Вальтер Скотт действительно *историк*, и по-своему выдающийся. В том, что касается истории Шотландии и раннего английского Средневековья, – авторитет и останется им навсегда.

Многие ученые считают, что Скотт создал особое направление в исторической науке – *живописательное*. Он и правда дал нам возможность почувствовать историю *на вкус*. Все эти бесчисленные детали, которые так сильно раздражают в его романах тех, кто жаждет действия, все они – плод кропотливой работы. Серьезнейшей подготовки! Да, Скотт – историк. И человек, написавший одну из самых известных био-

графий Наполеона.

«Это – первое мое сочинение, в успехе которого я почему-то уверен». Немного странное заявление для писателя, уже опубликовавшего «Пуритан», «Айвенго», «Роб Роя» и «Квентина Дорварда». Но – как в воду глядел Вальтер Скотт. Огромная «Жизнь Наполеона» станет настоящим бестселлером, а сам он получит невероятный по тем временам гонорар – восемнадцать тысяч фунтов.

Скотт и не скрывал, что рассчитывает именно на коммерческий успех. Имел право. Он популярен, про скончавшегося всего несколько лет назад Наполеона и говорить нечего. Вряд ли пресловутая шотландская «страсть к наживе» сказала на качестве. Нет, здесь другое.

В декабре 1825-го Скотт пишет в своем дневнике о будущей книге: *«Она выйдет поверхностной, но я не собираюсь из-за этого от нее отказываться. Лучше поверхностная книга, которая хорошо и наглядно преподносит известные и признанные факты, чем безжизненное и скучное повествование, прерывающееся каждый миг для рассмотрения незначительных деталей».*

Интересно... Как это – «поверхностная»? Тысячи страниц! «Незначительные детали»? Так ведь Скотт был славен именно вниманием к деталям! Что-то тут не так...

Над книгой он работает примерно два года. Дотошные литературоведы подсчитали: с учетом того, что он «отвлекался» на другие романы, тяжело пережил смерть жены, устраи-

вал финансовые дела, он *фактически* потратил на монументальный труд всего... год.

Изучал ли Скотт источники? Конечно. Он, например, провел несколько личных бесед с герцогом Веллингтоном и даже переписывался с Денисом Давыдовым. Но год?! Конечно, получится поверхностно. Скотт сознательно идет на это. Уверен, что, если бы речь шла о его любимой Шотландии, он бы себе такого не позволил.

Из всех произведений Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта» самое «модное». Суровый шотландец хотел сделать бестселлер – и сделал это. Проиграв как историк и, что еще более обидно, как писатель. Пока – полбеды. Точнее даже одна треть. Будем соблюдать правильную пропорцию.

Вальтер Скотт, как подавляющее большинство романтиков, очень зависим от состояния собственной души. Душа его – там, в вересковых пустошах и кельтских преданиях. Шотландия, Британия – его подлинная страсть. А Наполеон...

«Скотту стоило бы написать о Веллингтоне – тот был индивидуальностью, но не иконой. Поступи он так, кредиторы, возможно, выручили бы меньше денег, зато он смог бы вложить в свой труд всего себя, и мы бы получили беспрецедентное по интересу сочинение».

Метко сказано! Абсолютно согласен с Хескетом Пирсоном, автором прекрасной биографии самого Вальтера Скотта. Позволю себе привести еще одну цитату из Пирсона, под-

пишусь под каждым словом. *«...Скотт недолюбливал главное действующее лицо и дал это почувствовать в главах, которые читаются так же утомительно, как, судя по всему, и писались».*

«Недолюбливать» можно, можно даже не любить – страшнее другое. У Скотта нет *настоящего интереса* к герою, он так толком и не сформулировал свое собственное отношение к нему. Прочитав многотомный труд, вы так и не поймете – так какой же он, Наполеон Вальтера Скотта?

Противоречивый? Кто с этим спорит? Только шотландец слишком уж часто противоречит и сам себе. Гений? Возможно, но – эгоист. Эгоист? Безусловно. Но его эгоизм «был благородного и возвышенного свойства». Или вот еще: *«...Хотя его мощный ум был способен работать в любом направлении, он не мог отказать себе в войне и тщеславии».*

Мешала Скотту «подняться над суетой» и позиция патриота Британии. Он не Байрон, который позволял себе открыто восхищаться Бонапартом. Настроения в стране в целом и антинаполеоновские, и антифранцузские. Какими еще они могли быть? Байрон общественное мнение игнорировал, а Скотт – один из тех, кто его создавал.

Маленький штрих. Вальтер Скотт едва ли не единственный с кем герцог Веллингтон обсуждал Ватерлоо. Потом писатель прислал Железному герцогу что-то вроде набросков. Веллингтону прочитанное совсем не понравилось, и от дальнейшего сотрудничества он отказался.

В книге Скотт уделяет много внимания не только Наполеону, но и французскому народу. Делает это, мягко говоря, весьма субъективно. Одна из его мыслей вызвала во Франции настоящую бурю. Скотт написал, что это «*народ, жаждущий славы больше, чем свободы*». Заметим, что сам писатель придерживался довольно консервативных убеждений и ему не стоило бы рассуждать о свободе.

Французам «Жизнь Наполеона Бонапарта» сильно не понравилась. Вернемся к вышеупомянутой истории с бывшим адъютантом императора, генералом Гаспаром Гурго, которая (по-своему) очень показательна.

В Министерстве по делам колоний Вальтер Скотт нашел документы, выставлявшие Гурго в весьма невыгодном свете. Речь шла о его поведении на острове Святой Елены. Гурго и правда персонаж непростой. В отсутствии преданности императору я бы его обвинять не стал, но на некоторые «своеобразные поступки» генерал был вполне способен. Даже во Франции есть немало тех, кто считает, что в своих собственных мемуарах Гурго не вполне честен.

Однако Скотт, опираясь исключительно на *английские документы*, которым, применительно к Святой Елене, тоже не стоит особо доверять, выдвинул в адрес адъютанта генерала серьезные обвинения. Тогда-то Гурго и решил вызвать писателя на дуэль.

Надо признать, что Скотт не испугался, выбрал себе секунданта, а спустя короткое время написал в дневнике, что

он бы не стал бегать *«ни от него, ни от любого другого француза из тех, кто вылизывал Бонапартову задницу»*.

История довольно мутная, но про «Бонапартову задницу» сказано от души. Многое объясняет. Будущий император Наполеон III, принц Луи Бонапарт, про дуэль не говорил, но высказался резко, заявив, что Вальтер Скотт не только принижает славу Наполеона, но и пытается очернить всю нацию. Соратники императора наперебой указывали на многочисленные ошибки в книге шотландца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.